

УДК 172.3

О постулировании смысла жизни в эпоху постмодерна: на границе этики, религии и психологии

Шалагина Г.Э.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории науки
Казанского национального исследовательского
технологического университета

Обозначена актуальность темы смысла жизни в эпоху постмодерна, связанная с постиндустриальной (высоко модернизированной) экономикой. Рассмотрены истоки моральной транзиторности, а именно мультикультурализм и идеология саморазвития, которые провоцируют как социализирующие, так и разидентифицирующие стратегии субъектогенеза. Обозначена специфика транзиторности морали в России: это – евразийский аспект и исторические факторы XX в. Социальная дедифференциация этики, религии и психологии рассмотрена как предпосылка постмодерного смысложизненного нарратива.

Ключевые слова: транзиторная этика, постмодерн, мультикультурализм, разидентификация, социальная дедифференциация.

Духовность современного человека – предмет актуальный в силу вечности и фундаментальности темы смысложизненных поисков. Принято говорить об «онтологических основаниях этики», однако верно и обратное: онтология имеет этические корни. Дискуссию материалистов с идеалистами можно рассмотреть как спор о степени вовлеченности человека, его интеллекта и воли в объективную реальность. Согласно А. Камю, основной вопрос философии лежит в практической плоскости – это вопрос о том, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой [1, с. 471].

Мораль находится в самом основании социального порядка, ведь первое бытие, с которым мы имеем дело, – это социальное бытие. Поставка смысложизненных стратегий – важная отрасль духовного производства во все времена. По словам З. Баумана, «все общества представляют собой фабрики смыслов, служат питомниками для жизни, исполненной смысла» [2, с. 2]. Автор отмечает: «...осознание добра и зла порождает властную и устойчивую потребность в нравственном руководстве, осознание конечности человеческого бытия провоцирует желание трансцендентности...» [2, с. 3]. Поэтому: «Торговля жизненными смыслами – это самый конкурентноспособный из рынков, и, учитывая, что

"предельная полезность" предлагаемых товаров вряд ли снизится, следует предположить, что спрос, диктующий конкурентноспособное предложение, никогда не исчезнет» [2, с. 5].

Тема духовности и смысложизненных поисков человека актуальна также в силу практических задач текущего исторического момента. В постиндустриальной (высоко модернизированной) экономике сознание и морально-психологическое состояние человека становятся производительной силой. От любой занятости в условиях «нематериального труда» эпохи постматериализма (Р. Инглхарт) ожидается креативная составляющая. А творить могут только свободные и счастливые, это исходит из природы творческого труда. Поэтому сегодня не только философы, но и экономисты, политические деятели все более изучают этический статус человека и счастье, призывают измерять уровень благосостояния общества не в ВВП, а в ОБ (индекс «общего благополучия», Д. Кэмерон, 2006 г.), создают общественные движения в поддержку идеи благополучия граждан. В постиндустриальной экономике создается беспрецедентная ситуация зависимости результатов труда от морально-психологического состояния человека, что придает этическим исследованиям особую со-

циально-философскую значимость. Можно, вслед за Р. Флоридой, увидеть настоящую революционность той ситуации, при которой сознание выходит на первый план: «В известной степени Карл Маркс был прав, предсказывая, что когда-нибудь трудящиеся получают контроль над средствами производства. Это уже начинает происходить, однако не по тому сценарию, который представлял себе Маркс, – с восстанием пролетариата, захватывающего фабрики. Сейчас люди в большей мере, чем когда-либо, контролируют средства производства, потому что последние находятся у них в голове; мозг и есть средство производства» [3, с. 52]. Нечто подобное, по его собственным словам, «упрощенно» высказывал У. Бек: «Теперь уже не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие» [4, с. 26]. Так или иначе, в постиндустриальных обществах культура осуществляет осознанное обратное влияние на базис, а духовность человека становится его собственным бесценным трудовым ресурсом, в развитии которого человек заинтересован как никогда. Сказанное более характерно для предпринимателей, фрилансеров, представителей творческих профессий, чей успех в большей мере держится на персональной харизме, чем для сотрудников бюджетной сферы, для которых до сих пор важна приверженность ценностям организационной, корпоративной культуры. Значимость духовности в современном мире заставляет философов критиковать современную цивилизацию за «церебрализацию» жизни (как это делает В. Кутырев), обнаруживать появление новых, на этот раз ментальных, культурных, символических форм эксплуатации (концепция «когнитивного капитализма»), а также провоцирует расцвет особой индустрии развития, трансформации, всяческого иного «усовершенствования» человека – так называемой «духовки».

Духовные стратегии постулирования смысла жизни – тема центральная в трех основных душевспомогающих дискурсах – религиозном, этическом (философско-практическом) и психологическом. Наблюдается беспрецедентная ситуация конкурентирования этих дискурсов за душу человека. Эта конкуренция ведется не столько в институциональных рамках сферы образования, а в альтернативных формах трансляции гуманитарного знания: школы мудрости, психотренинги, студии саморазвития на основе философских систем, консультационные центры и т.п. явлениях на стыке практической философии, психологического консультирования и религиозности. Расцвет перечисленных явлений, так же как и всплохи Нового религиозного движения (НРД), наблюдаются не только в столичной среде «креативного класса», но и в провинциальных индустриальных городах современной России, где они призваны решать свои задачи по формированию духовности.

Идеология саморазвития личности и мультикультурализм: истоки моральной транзитности.

В 70-х гг. XX в. религия на Западе оказалась одним из лиотаровских «больших нарративов», оказавшихся в кризисе из-за культурной фрагментации. В эпоху постмодерна на Западе, а сегодня и в нашей стране произошли социально-экономические изменения: на место большим общностям (классы) приходят малые (субкультуры). Это связано с такими факторами, как: повышение уровня жизни, межэтническая миграция, усиление роли персональной идентичности. Новые внеэкономические критерии стратификации, как то: убеждения, ценности, стратегии потребления, досуговые предпочтения, этнические традиции, связаны с культурой. В результате – развитые страны оказались в ситуации этнического, и в более широком культурном смысле, поколенческого, мировоззренческого, потребительского мультикультурализма.

Фрагментация и плюрализм наблюдаются и в сфере духовных поисков. На смену традиционной религиозности в 70-х приходит множество учений New Age или НРД. По отношению к стратегиям самостроительства можно выделить как минимум два типа этих учений. Первый тип, удачно маскирующийся под психотренинг (таковы коммерческие культы, Лайф Спринг и т.п.), предлагает адепту социализирующую стратегию «личностного роста», которая поможет еще в большей степени нарастить «социальные мускулы». Институционализация НРД «под флагом» психологии часто предполагает формат тренинга, отличительной особенностью которого выступает сжатая, рассчитанная на быстрый и непосредственно видимый результат, организация получения нового знания. Индивидуальный предприниматель, риэлтор, специалист по сетевому маркетингу, начинающий деятель искусства не запишутся на длинный курс по философии. Именно профессионалы, связанные с личной харизмой, а не «бюджетники», вероятнее всего, заинтересованы в повышении своей личностной компетенции, вплоть до подключения к процессу самосовершенствования медицинских практик. Второй тип учений демонстрирует индивидуалистские разидентифицирующие стратегии, путь к себе через редукцию социального, через снятие социальных пластов личности. Это Симорон, Трансерфинг (поиск внутреннего Смотрителя в противовес собственному сознанию, согласно В. Зеланду). Разидентифицирующую стратегию элиминации «Я» в духе буддийской категории Анатман демонстрирует холистическая психология.

Исток этих учений – возникшая еще в эпоху модерна – идеология саморазвития личности. Новоевропейский индивид равен другому и конкурирует с другим на рынке труда в условиях постоянной модернизации и повышения темпов роста, а следова-

тельно, идентифицирует себя как проект по трансформации и улучшению. Он постоянно должен в своих персональных изменениях поспевать за изменениями общественными; социализирован через идею: современный мир крайне изменчив и подвижен, необходимо соответствовать и изменяться соответственно ему. Общественные технологии саморазвития личности не антропомерны, осваиваются нами в императивном порядке. «Принадлежать модерни – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит – обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта» – пишет З. Бауман [2, с. 131]. Не случайно социолог начинает главу об идентичности с указания на ее кризис, фактически начиная изучение идентичности с обнаружения ее отсутствия.

Стремление к трансцендированию, изначально заложенное в человеке, ограниченном сроком своей жизни, усиливается идеологией саморазвития. З. Бауман отмечает по этому поводу: манипуляция жадной трансцендентности неизбежна в любом «культурном порядке», но сегодня в обществе «растекающейся модерни» есть склонность к злоупотреблению энергией трансцендентности и уходу человека в сторону от его жизненных возможностей и осмысленного существования [2, с. 6]. С этим выводом социолога перекликаются идеи некоторых представителей новой религиозности: это мысли Э. Толле о забвении современными людьми своего настоящего и концепция «маятника» В. Зеланда¹.

Российский контекст.

Контекст России – особый. Его характеризуют неантропомерные, навязанные извне темпы социального роста. Со времен Петра I идеи модернизации и цель «догнать Запад» создавали транзиторный социокультурный фон. Эта тенденция сильна и в настоящее время. Формирование морально-нравственного состояния современного полиэтнического и мультикультурного российского социума имеет и другой, евразийский аспект. В условиях глобали-

зации существенную долю в структуре наемных работников составляют мигранты из Азии, носители переходного менталитета (от традиционного к модерному). Они стремятся и вливаются в существующую в нашей стране корпоративную культуру западного современного типа. Фактически принципы морали, которые сформированы в корпоративной культуре, доминируют в средних общественных слоях российского общества сегодня. Ведь большинство людей занято в организациях, корпорациях в качестве наемных работников (это так называемые «бюджетники»). Этим фактом обусловлена особая социальная ответственность организаций и «воспитательная» роль корпоративной этики. Об этом, применительно к западному культурному контексту, писал А. Печчи. По его словам, в силу миграции, колонизации, завоеваний, торговли, промышленного развития, финансового контроля, культурного влияния трудовая этика Запада навязана всем, и мало-помалу все страны и народы начинают жить по ее образцу [см.: 5]. Навязчивость дискурса о формировании корпоративных культур в современной России свидетельствует о том, что организационная эпоха здесь еще не изжита.

Транзиторное общественное состояние России (от традиционного общества к постмодерну через «официальный», корпоративный модерн) порождает сегодня транзиторную мораль.

Транзиторность морального сознания, характерная для переходного общества, находит опору в отечественном историческом контексте и связана с российской спецификой морального порядка. Особенность постмодерна как «мироощущения эпохи» в нашей стране состоит в том, что постмодернистские идеи и настроения, такие, как этический релятивизм, находят непосредственный выход в нравственном состоянии общества, в социальной жизни, а не только в искусстве и в классически понимаемой культуре. В сфере общественных стандартов морали и нравственности в западных обществах наблюдается больший порядок, связанный с высоким уровнем правовой культуры. В России именно исторические факторы XIX-XX вв., такие как частая смена политических режимов, каузировали релятивизацию смысловых установок. И это, несмотря на то, что такая релятивизация традиционно приписывается влиянию западного постмодернизма.

Две стратегии поиска смысла жизни: социализация vs разидентификация.

Индивид реагирует на социальную транзиторность выбором как минимум двух персональных стратегий:

- 1) социализирующая стратегия «личностного роста»;
- 2) стратегия разидентификации (деидентификации), которая чаще упоминается в негативном ключе, в качестве причин либо следствий таких явлений

¹ Книга Э. Толле «Сила настоящего» вышла в 1999 г., к 2008 г. переведена на около 30 языков. Русское издание появилось в 2002 г. Учение В. Зеланда датируется 2003-2004 гг. Любой «социальный институт» (семья, школа, производство, политика, религия и т.п.), по В. Зеланду, – маятник (энергоинформационная сущность, питающаяся энергией приверженцев). В. Зеланд предлагает способы избегания вреда от маятников: гашение, провал, аренда. Гашение – это отказ от стереотипного поведения, *выбор третьего из двух зол*. Провал – игнорирование провокаций маятника (не борьба с ним). Принцип «сдачи себя в аренду» – это вынужденное формальное следование требованиям маятника без собственного внутреннего участия. К концепции В. Зеланда можно добавить, что общение с маятником складывается не только по бинарной логике: или – или. Либо поглотит, либо беги. Помимо приема «сдай себя в аренду» есть другие: дозирование влияния маятника, сознательное, с учетом социальной пользы, инвестирование в него (участие в партии, церкви, благотворительности, профсоюзе).

как бродяжничество, кризис пожилого возраста, дауншифтинг.

В постмодернистской философии осмысление того, что мы называем разидентифицирующей стратегией субъектогенеза, связано с поисками ресурсов бессубъектности. В критической мысли М. Фуко идет речь об идее «смерти субъекта» в декартовском его понимании, присутствует трактовка субъекции как подчинения, понимание бытия субъектом не как желанной социальной характеристики, а как принуждение социальных структур к существованию в качестве социализированного индивида. Разидентифицирующая стратегия субъектогенеза слышна в призывах Ж. Делеза и Ф. Гваттари «стать женщиной», становление которой может дать ключ к иным становлениям, которые уведут нас с позиции субъекта – становление ребенком, животным, растением или минералом, молекулой любого вида, частицей [6, с. 124]. Опасностью фанатичного увлечения разидентифицирующими практиками станет мироотрицающая, антисоциальная, эскапистская, крайне индивидуалистическая позиция индивида.

Разидентификация, стратегия, противоположная социализации тем не менее создает социальность. Кризисные периоды дают импульс к осмыслению человеком смысла собственной жизни, биографических перспектив. Так было на заре нового времени, в период становления новоевропейского субъекта, так было и в кризисные 1990-е гг. в России. В современном быстро меняющемся мире (растекающейся модерности, в терминологии З. Баумана) разидентифицирующее направление духовного поиска выступает необходимым элементом в поисках самодостаточности, обретении своего настоящего. Оно возвращает человека к себе, делает акцент на частной жизни, мобилизует антропологические ресурсы, помогает заново собрать претерпевшую кризис социальность, уже на обочине «столбовой дороги истории».

Социальная дедифференциация как условие постмодернистского смысложизненного нарратива.

Тенденции в духовных поисках россиян противоречивы. Социологические опросы демонстрируют рассогласованность религиозного сознания и реального поведения респондентов. Нередки странные феномены «православного атеиста» или «светского мусульманина» [7, с. 57-58]. Религиозный дискурс уже не так *аутентичен*, преобладает позиционирование себя в качестве верующих теми, кто является таковыми лишь по традиции, практикует «личное понимание веры», следование не ортодоксальным, а альтернативным стандартам вероисповедания. Религия воспринимается *на уровне этоса, а не в качестве объекта сакрализации*. Почему это происходит? В силу недостаточной конфессиональной грамотности, воспитывать которую призваны школьные курсы по основам религиоведения? Сегодня сильна тенденция «мутации» психологиче-

ских подходов к религии, когда психолог не ограничивается решением частной медицинской проблемы пациента/клиента, а замахивается на решение смысложизненных задач (М. Литвак). Философская этика не обладает общественным авторитетом, за ней закрепилась репутация далекой от жизни нереалистической «науки». Сегодня можно говорить об «институциональном миксе», когда в процессе дедифференциации практически-философского, психотехнического и религиозного содержания формируется единый сплав мировоззрения. Возможно, этот продукт институциональной эрозии образования, медицины и традиционной конфессиональной религиозности составляет условие смысложизненного нарратива эпохи постмодерн, после кризиса «больших нарративов» модерна? В обозначенном мировоззренческом сплаве важно определить сегмент светской этики, задача которой – постулирование смыслов жизни и выработка стилей жизни, адекватных приемлемым представлениям о смысле.

Литература:

1. Камю А. Миф о Сизифе // Счастливая смерть: Роман; Посторонний: Повесть; Чума: Роман; Падение: Повесть; Калигула: Пьеса; Миф о Сизифе: Эссе; Нобелевская речь / Пер. с фр. – М.: Фабр, 1993. – 574 с. – С. 471-552.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова. – М.: Издат. дом «Классика – XXI», 2011. – 432 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
5. Печчеи А. Предисловие // Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
6. Клиндер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол, гендер, культура: немецкие и русские исследования. / Ред. Э. Шоре, К. Хайдер. – М.: РГГУ, 2000. – С. 101-130.
7. Гузельбаева Г.Я. Религиозные идентичности и практики православных и мусульман в модернизирующемся сообществе // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 268 с. – С. 55-74.

Postulation of Reason for Being in Postmodern Era: Ethics, Religion, Psychology

G.E. Shalagina

Kazan National Research Technological University

The paper dwells upon the topicality of the issue of reason for being in postmodern period connected with post-industrial (highly modernized) economy. The author analyzes the roots of moral transitivity, namely multiculturalism and ideology of self-development which provoke socializing and, at the same time, de-identifying strategies of self-originating. Transitivity of moral in Russia can be specified through the Eurasian aspect and historical factors of the 20th century. Social dedifferentiation of ethics, religion and psychology is viewed as a prerequisite of life narrative.

Key words: transitory ethics, postmodern, multiculturalism, de-identification, social dedifferentiation.

